расчистив место. Здесь же обедали Трошев, Емельян и Прохор Зыков. У Зыкова при виде Григория выкатились телячьи ласковые глаза.
— Гри-и-шка! Откель ты взялся?
— С того света.
— Ты ему свежей трикани щей. Чего глаза на лоб вылупил? — крикнул Чубатый.
— Зараз! Кухня тут вот, в проулке.
Прохор, прожевывая кусок, метнулся во двор. На его место уселся присел Григорий.
— Я уж не помню, когда ел. — улыбнулся он виновато.

По городу двигались части 3 корпуса. Узкие улицы забивались пехотой, грудились бесчисленными обозами, ~~кавалерийскими частями~~ [illegible] Прохор вскоре явился с котелком щей и торбой пшеничной каши.
— Кашу куда вытряхнуть? ~~[illegible]~~
— А вот кастрюля с ручкой, — подвинул Трошев от окна ночную посуду, не зная ее назначения.
— Опа... сами вы... кастрюля твоя. —
— Ничего. Вам ... поешь разберем.
Прохор вывернул над посудиной торбу, пухлая рассыпчатая каша упала комом, по бокам ее ~~[illegible]~~ масло. Ели с разговорцем. Слизнув ~~[illegible]~~ сальное пятно на своем мятом лампасе Прохор рассказывал:
— Тут рядом с нашим двором стоит батарея, [illegible] вычерпывают. ~~[illegible]~~ [illegible] ~~[illegible]~~ в газете читал, что союзники немцев, что называется, вдрызг.
— Не захватили бы, Мелехов, утром и лег... благодарность получили. — ... Чубатый двигая ~~[illegible]~~ кашей ...
— От кого?
— Начальник дивизии генерал-лейтенант Фицхелауров смотр нам делал и благодарность произносил за то, что вчерашних [illegible] своим выручили свою батарею. ~~За [illegible]~~ орудия не упустили. „Молодцы-казаки, — говорит, — царь и отечество про вас не забудут!"
— Вон как.

На улице сухо треснул выстрел, другой, и раскатистая братская пулеметная дробь.
— ~~[illegible]~~ Аэро-планы! — гаркнули у ворот.
Побросав ложки казаки выскочили на двор. Над ними низко и плавно кружил аэроплан. Мощный рокот его звучал угрожающе.
— Падай под плетни, бомбы зачнет сыпать, рядом с ним батарея. — крикнул Чубатый.
— Старшего разбудите, убьет его на мягком матраце!